

84(2Рос-4Кем-2Бер)

СК

Г69

Анатолий Гориняқин

Рассказы

ск

84(2Рос-4Кем-2Бер)

Г69

Анатолий Горипякин

174550

Рассказы

-174550 -

сб

ДАР

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

2015

Г БЕРЕЗОВСКИЙ

Город мечты и дерзаний

1

Анатолий с любимой женой ехал в этот, только что рождённый город, строить новую жизнь. Из Новокузнецка до Кемерово решили ехать поездом, набралось достаточное количество необходимых на первое время вещей. Под ритмичное покачивание вагона играл бликами чай в красивых под серебро подстаканниках, а белоснежные простыни из рук Нины, будто птицы, выпорхнули на полки купе. Пока жена устраивала уют, он в проходе у открытого в летнюю ночь окна, погрузился в свои воспоминания.

За два года работы на шахте Анатолий наслушался гудков, возвещавших весь посёлок об авариях на шахте с гибелью шахтёров, да и сам он уполз из завала на три месяца в больничку, потому в нём с особой остротой проявились чувства ответственности и взаимовыручки. Но он остановил свой выбор именно на этой профессии с неимоверно тяжёлой и опасной работой. На поверхности всё не так, а здесь, под землёй, чувствуешь не только дыхание товарища, а будто слышишь стук его сердца. Здесь, в звене, живёшь как в дружной семье, да и зарплата достойная.

И вот в ту пору, когда Анатолий начинал завоёвывать авторитет в шахтёрской семье, он встретил большую любовь. Эта девушка с мягким, добрым взглядом выразительных глаз, смотрящих прямо в душу, сумела возбудить в нём весьма пылкие чувства. Нина была обворожительна, но вместе с тем загадочна и неуловима. Она совмещала работу в детском саду с учёбой в пединституте, жила в рабочем общежитии и нуждалась, как сама говорила, в духовной поддержке, в преданном друге, который верил бы в её талант и помог бы укрепить её веру в себя. Недолго продолжались охи-вздохи на скамейке. Вскоре Нина с узелком приданого пришла в дом родителей Анатолия. Но жить с родителями не всегда и не у всех складывается. И вот, спустя месяц, его возлюбленная опять в слезах встречает его с работы.

— Нина, есть новый город, новая шахта, рискнём? — ласково прижимая к груди заплаканную девчонку, проговорил Анатолий.

— Я согласна с тобой хоть на край света, а к трудностям нам не привыкать — глаза её засветились признательностью, и она, словно доверчивый ребёнок, припала к мужу.

От Кемерово на такси за пять рублей быстро промчали сорок вёрст и вот он Берёзовский. На городской площади приезжающих привет-

ствуется памятник Ленину, обращённый к велико-
лепному, "сталинской" архитектуры, Дворцу
культуры.

— Административный центр, а вам дальше
— сообщил таксист — благо лето, да дождя нет,
доедем до места, до микрорайона. Автобусы то
ходят лишь до столовой на Октябрьском — про-
должал шофёр, но нам эти названия ни о чём не
говорили, мы любовались красивой извилистой
дорогой на подъём среди вплотную подступив-
шей свежей зелени пихт и елей. С горы открылся
вид на железнодорожные пути и за ними по всему
видимому склону, развернулась огромная строй-
ка. Строительные площадки с башенными и ав-
томобильными кранами раскинулись и вдоль же-
лезной дороги, прижавшись к речушке.

— ЦОФ строится, местные угли на кон-
центрат будут перерабатывать, а здесь трестов-
ская база снабжения будет — знакомил нас так-
сист.

— Вам здесь всё знакомо, Вы что мест-
ный? — поинтересовался Анатолий.

— Да нет, сын тут у меня в тридцать де-
вятке срок отбывает, а без них ни одна стройка не
обходится. А сколько объектов предстоит по-
строить! Ещё одну шахту, угольный разрез, авто-
базы, больницу, школы, детсады и жилые дома,

да всего не перечесть.

Жизнь тут была ключом – Анатолий это сразу почувствовал. Даже воздух здесь, казалось, насыщен энергией молодёжного задора и энтузиазма. Здесь создавалась новая жизнь и от этого радость переполняла его душу.

— Нина — с горящими глазами он обнял жену — по-моему, это то, что нам с тобой нужно. Всё его существо, казалось, излучало энергию.

— Конечно! — разделяя восторженное состояние мужа, ответила жена, прижимаясь к его плечу и тут же,

— Пожалуйста, остановите, посмотрите, как красиво! — воскликнула она и, выскочив из "Волги" побежала на поляну огромных белых ромашек.

Микрорайон предстал перед ними четырьмя панельными пятиэтажками по два с каждой стороны, и как крылья к ним прилегали два дома, определяющие будущий проспект, на первых этажах которых когда-то будут магазины. Здесь же, между домами, деревянный прилавок, "базарчик", на котором бабушки из ближайшей деревеньки бойко торгуют молоком, сметаной да творожком, а центральное место занял хлебный киоск.

Расслабляться было некогда и негде. На работу устроились за два дня, Нина – в детский сад, Анатолий – на вновь сданную шахту. К их приезду свободных квартир уже не было, и они вынуждены были испытать свою любовь, живя отдельно. Нину приняла к себе родная сестра, которая раньше приехала сюда с мужем, Анатолий поселился в шахтовом общежитии за живописным логом с кедрами и родниками. Сразу определились с учёбой. Анатолий подал документы на поступление в "КузПИ", а Нина справилась с трудностями перехода из Новокузнецкого ВУЗа в Кемеровский на заочное отделение.

Пятый участок, на который приняли Анатолия, двумя очистными бригадами отрабатывал самые верхние лавы с двенадцатого ската. Технология выемки угля разительно отличалась от привычной ему. Здесь пласты средней мощности отрабатывались комбайном УКР. Но не эту особенность отметил Анатолий, а люди. Сюда, исполненный надежд, стекался разношёрстный люд: рвачи, не умеющие постичь подлинной ценности того, что им давалось, а лишь сорвать "большие" деньги; решительные, терпеливые, упорные создатели жизни; были и мечтатели, которые стремились к славе, не зная как её достигнуть.

Здесь не было "единого дыхания", да и в звене не четыре человека, как он привык, а двенадцать разных по характерам и взглядам особей.

Близость очистного забоя к поверхности характерна плохой кровлей, что вызывало повышенную опасность и трудности крепления лавы на дерево. Перспектива выйти из нарушений, выполнять план по добыче угля, а с ним и получать "большие" деньги на ближайшее будущее не просматривалась, работали за две трети тарифа. Начались стихийные брожения забойщиков с участка на участок, из бригады в бригаду в поисках "длинного" рубля. Многие рабочие, уже получившие квартиры, стали формировать бригады, чтобы с весенними ручьями, оставив здесь семьи, ехать сезонными рабочими "на золото". С одним из таких парней Анатолию выпало работать в паре. Немец по национальности, высокого роста, сильный и здоровый как бык и вместе с тем хитрый, холодный и расчётливый был прямой противоположностью Анатолию. Над его жадностью подсмеивались, а он отстаивал свои проявления скупости, доказывая, что только так можно получить лакомый кусочек. Он ходил в кино только на дневные сеансы, и вот однажды, во время сеанса контролёр объявила, что его срочно вызывают к заболевшей матери, и когда он не отреагировал,

а сидящий рядом приятель:

— Это ж тебя, Коля.

На что он, плотнее уходя в кресло:

— Так ведь билет зря пропадёт.

А город "не смыкая глаз" днём и ночью строится и растёт, возводятся новые дома, детсад и школа. Огни электросварки, врываясь в барзаскую тайгу, соперничают по яркости с ночным звёздным небом. Достраивается здание горкома партии, и всеми с радостью встречена весть, что с улыбками и песнями под разноцветными флагами праздничные колонны демонстрантов будут проходить перед трибуной по улице Черняховского, а митинги на шахтовом посёлке уйдут в прошлое. Наконец-то сделана освещённая дорожка от микрорайона до горкома с мостиком через лог, и теперь не нужно спеша на работу, "балансировать" по трубам теплотрассы или месить непролазную грязь. И уже с первыми зимними морозами Анатолий и Нина получили "свою" однокомнатную квартиру в одном из четырёх домов, но подготовиться к зиме: отгородить угол в подвале, привезти дрова и уголь, заложить картофель они не успели.

Первая зима выдалась метельной и морозной. Случалось, дороги заметало, и на этих пяти километрах до шахты и руководители шахты и

рабочие безропотно пробивали тропы в сугробах. Каждую вечернюю и ночную смены снимали с участков по одному-два горнорабочих и отправляли на городскую котельную — долбить смёрзшийся уголь и "стоять вахту" кочегарами. А в домах не выдерживали электрические щиты от перегрузок мощными "козлами", свечи и фонарики считались неотъемлемой принадлежностью в каждом доме.

3

Сегодня на наряде было шумно. Будто за весь день к нашей ночной смене скопились и выплеснулись все недовольства: и промёрзшие тяжеленные сутунки крепёжного леса, и непросохшая роба в мойке, и требования доплатить до тарифа. Нашему звену предстояла посадка лавы. Как обычно, спустившись в шахту, дружно уселись на борту лавы и развернули тормозки.

— Что там новенького пишут — бросив взгляд на мою газету "Известия", в которую был завернут тормозок, спросил бригадир.

— Да в этой ничего особенного, снова хунвейбины, а вот в позапрошлом номере, это ещё до выходного, она у меня дома аккуратненько прибрана — Анатолий помялся, таинственно посмотрел на всех — а что бы вы сделали на моём месте?

— Да не томи, говори уже — прервал его бригадир.

— Дословно не помню, а суть такова: ин-юрколлегия разыскивает меня по наследству двоюродного деда, умершего в Канаде. Так вот на выходных я позвонил в Москву, три рубля проговорил, что да как? Они подтвердили, сумма большая в канадских долларах, на наши деньги не знаю сколько, ведь если американский доллар стоит девяноста копеек, а канадский дешевле. Да и не в сумме дело. Они предупредили, что будет налог, за свой счёт ехать в ихнее Торонто, а потом ещё и на детские дома отстегнуть. Так может отказаться?

— Ладно, сейчас мы ничего путного тебе не присоветуем, работа ждёт, давай-ка досверли стойки по лаве — проговорил бригадир, поднимая всех.

Не успел Анатолий досверлить последние стойки, как бригадир ему:

— Бросай. Машинистка с подъёма звонила, сейчас аммонит в скипе спустит, вместе с взрывником скачайте конвейерами. Он погрузит ящики на привод, а ты перегрузишь на лавный, мы же здесь примем — распорядился бригадир.

Когда Анатолий пришёл на второй привод, первый уже работал, он прошёл ещё вперёд

и... по конвейеру движутся вперемешку: щепки от ящиков, аммонит МГПП и детонаторы, страшно пищавшие попав под скребковую цепь. Он не успел испугаться и стал дёргать проволоку концевого выключателя, но конвейер не останавливался, Анатолий увидел впереди два света и стал яростно махать фонарём, подавая сигнал "стоп", но и это не помогло, тогда он рванулся к пускателю, чуть не сбив кого-то на штреке. И, лишь когда вывел ручку пускателя на нейтраль и конвейер встал, он увидел начальника ВТБ и горно-технического инспектора, пришедших с контролем на посадку лавы. Можно ли описать вопль ужаса? Нет слов, чтобы передать эти нечеловеческие звуки, выражающие негодование, страдание и страх с которыми они накинудились на Анатолия. И лишь когда он, просто по шахтёрски послал их на... Они перепуганные, дрожащие и как-то сразу обмякшие, ушли на ... гора. Тут появился мастер-взрывник, прятанный где-то, ожидая неминуемого взрыва. Это он погрузил на конвейер шесть ящиков с взрывчаткой и ящик с детонаторами, а когда увидел приближающиеся огоньки инспекции, то спрятался, оставив взрывчатку без сопровождения. Обошлось. Минут двадцать всем звеном собирали посадочные патроны и вытаскивали детонаторы из-под цепи и с нижних рештаков.

Лава села хорошо, лишь кое-где выдавив стойки органного ряда. Всем звеном договорились молчать о случившемся, а когда Анатолий поставил светильник и спасатель, табельного номера не было на месте. На его вопрос – где? Табельщица ни о чём не зная, и не понимая его состояния с улыбкой: — В парткоме.

Какие только мысли не проносились в его голове, пока он кое-как помывшись, подходил к дверям парткома, а когда вошёл и увидел сотрудника КГБ Сашу Янько, то сразу обмяк и обессилен, лицо стало землисто-пепельным, глаза потухли и спрятались за пелену. Из этого ступора вывел его голос Янько

— Что же ты, Анатолий, не указал в анкете о родственниках за границей?

Анатолий не мог сообразить, какие ещё родственники, если шахта едва не взлетела на воздух, а КГБист продолжал

— И что ты решил, как поступишь с наследством?

И тут с Анатолием приключился такой истеричный смех, что секретарь парткома и Янько очумело смотрели на него и ничего не могли понять.

— Да шутка это, никаких родственников, и никакого наследства, не понял ваш стукач —

в каком-то отупении, граничащем с истерикой, выпалил Анатолий.

А о происшествии в лаве всё прошло на редкость тихо. Видно никому не выгодно было шум поднимать.

4

Детский сад утопал в зелени девственной тайги, сохранённой при строительстве. Повсюду ещё держался чуть уловимый характерный запах недавно сданного объекта. Блеск свежеекрашенных лестничных маршей, лёгкие портьеры и много цветов поднимали настроение у каждого, переступившего порог. Да и название "Солнышко" призывало к улыбке.

К этой встрече Нина старательно готовилась. Из своего небольшого гардероба, подобранного, только ей, присущим вкусом, в современном стиле моды, она выбрала красивый деловой костюм с элементами сложности, подчёркивающими её индивидуальность. Нине предложили работу в старшей группе. Познакомились с напарницей. На вид двадцати трёх лет, с простым, самым русским, белым и сейчас с румянцем от смущения лицом, в котором Нина уловила какую-то робкую прелесть.

— Маша — и чуть помедлив — Мария ...

Сафоновна. А это — Маша кивнула на клёвую герлушку с сайзами, в брэндовых трузелях с лэйблом, на запястьях фенечки из кожи и бисера, айзы накрашены так, что кажется нужно приложить усилия, чтобы держать их открытыми

— А это наша няня, знакомьтесь

— Эля — ничуть не смущаясь и всем своим видом показывая независимость, девушка протянула открытую ладонь. Нина успела увидеть за всей этой мишурой в глазах Эли тайну. Движения рук, поворот головы завораживали картинными позами, и в сочетании со спокойной, не громкой речью выдавали в ней аристократическую породу. Это уже потом она узнала, что Эля уехала из Новосибирска, разорвав с обеспеченными родителями, к своему другу, и сняла комнату в частном секторе рядом с исправительной колонией. Работу на группе успевала совмещать с "коридорной", оставалась "ночной няней", могла подменить музыкального работника, и ей предоставлялась такая возможность, потому как дети всех групп её безумно любили. Эля выкраивала из небольшой зарплаты возможность собирать другу передачи с чаем и сигаретами. А главное она была с ним рядом. Возникшее молчание, когда никто не решается что-то сказать

нарушила вошедшая в группу заведующая:

— Ну что, познакомились? Я рада, что вы, молодые, дерзновенные и творческие люди будете вместе работать на группе — и улыбнулась такой необыкновенной внутренней и открытой, прекрасной улыбкой, что сразу же ушло едва начавшееся напряжение.

— И Вас, Нина, пусть не смущает внешний вид Элочки, этот образ она оставила себе ещё с 64 года, когда в команде КВН представляла Новосибирск в Москве, и был фрагмент с пародией движения хиппи.

Галина Ивановна детский сад преобразовала в своеобразный центр культуры не только для детей, но и для родителей. Рано утром их с детьми, спешащих на работу встречают в приёмном фойе педагоги в красивых сказочных костюмах, разыгрывающие сценки, то из "ночных" деток создаются вокальные группы и шумовые оркестры и приём детей сопровождается импровизированным концертом. А утренники — настоящие спектакли, на которых всегда Эля блистала в главных ролях. Заведующая жила детским садом, и коллектив формировался, находясь в поле её духовного воздействия, в поле её созидательной доброты. Она любила говорить: "Лаской зверя побеждают". В детском саду поселился дух,

который держали на своих плечах талантливые люди.

5

С первых дней Анатолий включился в комсомольскую жизнь города. Ещё когда он вставал на учёт в ГК ВЛКСМ, первый секретарь Юра, предложил создать комсомольский оперативный отряд:

— Опыт у тебя есть по Новокузнецку, а надёжных ребят подберёшь, секретарей первичек мы озадачим, чтобы порекомендовали. А задача перед тобой значимая, знаешь, сколько ребятешек скрывается по чердакам да подвалам? Отцы разъехались по золотым приискам, матери на работе, за детьми присмотра нет, и они забыли, как двери в школу открываются. Вот Михаил, участковый, больше недели не может поймать Сашку Данилевского из соседнего дома. Он с братьями, умудрился обокрасть книжный магазин, правда только мелочь и была в кассе, но нагадили прямо на стол. А Серёжка Соловей, оборудовал тепловой узел во вновь сданном доме под свои апартаменты, здесь, на микрашке, и овчарку огромную завёл, где только взял? Так вот Столярук, начальник УГРО, в темноте пробрался к нему, а он лампочку то включил и собаку едва сдерживая

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Г. БЕРЕЗОВСКИЙ

-055144-

ет, и пришлось капитану милиции просить ребёнка, чтобы живым уйти. На бюро горкома партии получил оценку этот случай, а воз и ныне там. Очень жалко девочек, голодные, холодные, грязные, а домой не идут, наказания боятся. Ты свяжись с Ниной Ильиничной из детской комнаты милиции, она тебе и адреса даст, и о каждом расскажет подробно. Ну, успехов.

Мы попытались закрепить за каждым "трудным" подростком члена оперотряда, чтобы он периодически бывал в семье трудновоспитуемого, но это не принесло результата.

Сегодня перед членами отряда с установкой перед рейдом по танцплощадкам выступила секретарь горкома партии Лидия Васильевна

— Три года назад появилась в Англии рок группа "Битлз", как нам стало известно, их музыка проникает на наши танцевальные площадки, этого нельзя допускать. Мы миримся с репертуаром только что созданного советского ансамбля "Поющие гитары" и песнями Ю.Антонова, хотя и к ним есть вопросы. Там, где есть свои духовые оркестры, мы репертуар утверждаем, но партия считает нетерпимым увлечение молодёжи прослушиванием магнитофонных лент и "рентгеновских черепов" с записями музыки транслируемой по ночам радиостанцией "Голос Америки".

Сейчас на предоставленном вам автобусе вы проедете по всем открытым танцевальным площадкам и клубам и, я призываю вас быть непримиримыми к стилигам и хиппи, если таких заметите на танцах – выводите без колебания.

После подобных рейдов молодые ребята стали уходить из отряда. Они были поставлены в неловкое положение перед своими танцующими друзьями, потому, как сами с удовольствием танцевали под "запрещённую" музыку.

Прошёл ещё год. У Нины и Анатолия родился сын. Анатолия выбрали секретарём комитета комсомола шахты с возом рутинной работы в придачу: задолженность по взносам, "мёртвые души", работа с несоюзной молодёжью с неизменным требованием роста членства в организации. Какие только ухищрения не приходилось использовать. Были созданы две комсомольско-молодёжные проходческие бригады с лучшими условиями труда, провели субботник и заработанные деньги вложили на погашение задолженности по взносам. Оперативный отряд развалился, но ответственность по борьбе с безнадзорностью никто и не думал снимать. На Анатолия и Нину навалились контрольные, рефераты и курсовые с чертежами к зимней сессии. И тогда

Нина предложила:

— А знаешь, Толяшка, отряда нет, но есть дети. Предложи им самим проводить рейды по подвалам и чердакам. И мне кажется, они заиграются этой таинственной романтикой поиска.

Появился и первый помощник из "трудных" деток – Сыстеров Валера. Было забавно наблюдать, как он давал задание собравшимся в однокомнатной квартире девочкам и мальчикам, среди которых оказывались не только дети, стоящие на учёте. Обычно двух девочек он оставлял с Ниной дома водиться с ребёнком, пока она опять будет стряпать на всю ораву пирожки с картошкой, остальным вручал привезённые из милиции и размноженные на фотоувеличителе в ванной ещё мокрые фотографии разыскиваемых преступников. Вечером все собирались на кухне, и за чаем с пирогами, захлёб, перебивая друг друга, рассказывали, как прошёл рейд. Приближался Новый год, и с ребятнёй было решено поставить на микрорайоне первую ёлку. Дети, привлекая друзей, красили, вырезали, клеили огромные бумажные игрушки, казалось, вся школа только этим и занималась. В назначенный день дети сами выбрали огромную ёлку вблизи шахты, а рабочие спилили и привезли её на микрорайон. А сколько радостных возгласов было у собравшихся детей и

взрослых, когда огромная ёлка с помощью крана вознеслась, казалось, выше домов! Дети красили собранные гирлянды, обмакивая лампочки в баночки с краской, отчаянные мальчишки бёлками прыгали по веткам, цепляя игрушки. А зима выдалась морозной, благо "штаб-квартира" рядом, напротив ёлки. А когда натянутые поперёк будущего комсомольского бульвара четыре гирлянды вспыхнули разноцветным огоньками, будто радостные улыбки, будто восторженное сияние детских глаз, у многих взрослых слёзы навернулись на глазах. Слёзы радости.

6

На весёлой поляне огромных белых ромашек он стоял, прислонившись к белоствольной берёзе, и читал ей стихи, стихи о ней. Она мягко подошла, чувственно легла головой на его грудь. Он, нежно обнимая её, выпустил книгу и она, будто птица крыльями запорхала белыми страницами. А Нина взглядом через его плечо в бескрайнее синее небо ушла в свои воспоминания. Проплывающие светлые облака, будто лица друзей, что прошли рядом с нею по жизни за эти годы в этом городе. Вот с ними она открывала в должности заведующей свой первый детский сад "Сказка" и с ними же достигла второго места в

областном смотре-конкурсе. А вот эти два маленьких облачка, что запутались в ветках берёзки, поставили её на целый год перед прокурором, но на колени она тогда не встала, даже не преклонила. А эти, потянулись лёгкие, подсвеченные солнцем, будто с позолотой облака – это награды: министерские, областные и городские. Вот пролетели лёгкой кавалерией Толяшкины годы работы в комсомоле, после чего с заработанным подземным стажем пригласят работать в советские органы исполнительной власти. А это его напряжённые годы начальником углесбыта.

Да. Сюда они приехали не напрасно.

Готов я о тебе часами говорить,
В тебя я вложил душу не напрасно.
Ты, город мой. Легко с тобой любить,
творить
И жизнь раскрасить радостною краской.

Короткие встречи

Здравствуй, Байкал

В какой-то год конца семидесятых я принял настойчивое приглашение Виталия, егеря охотничьего хозяйства, охотиться на Байкале. У нас с ним давняя дружба. Когда Виталий работал егерем здесь, в Успенском госпромхозе, мы прошли с ним охотничьими тропами по Золотому Китату и Кайгадату, по Северному Кожуху и Заломной, в обнимку с лайками ночевали в снегу на Скалистом. Многие ещё вспомнилось мне, пока Ил-14 разрывал осенние облака от Кемерово до Иркутска, а потом отстукивал бодрый ритм читинский поезд.

И вот из окна поезда я впервые увидел Байкал и ощутил доселе незнакомый волнительный трепет в груди. Воистину Байкал при создании был любимчиком у Природы, и она наделила его особой властью, силой и красотой. «Святое море», «святое озеро», «святая вода» – эта святость Байкала в сознании разных народов с незапамятных времён. Я уже не помню, от кого слышал, что миражи на Байкале – обычное явление, с которым связано немало прекрасных легенд и поверий. То мчится к тебе белоснежный

парусник, то повиснет в воздухе средневековый красавец-замок, то плывут с гордо поднятыми головами лебеди. Славен и свят Байкал своей чудесной животворной силой, духом величия и заповедного могущества, не подвластного времени...

Вышел я в Култук, где меня встретил Виталий. Он понятливо взял мой рюкзак и, улыбнулся:

— Да беги уже.

И я побежал, побежал окунуть руки в эту легенду, из ладоней испить леденящий глоток самой чистой в мире воды. Байкал лежал передо мной большой и спокойный. От скалистого берега, где по туннелям проходила старая «железка», к посёлку выдавался мелкий песчаный заливчик, где вода немного прогревалась. Вездесущая детвора с весёлым визгом резвилась там, разбрасывая радужные брызги...

— Здравствуй, Байкал! — промолвил я, и он засверкал на солнце бликами, будто осыпая искорками радости, и подкатился к моим рукам бирюзовой мягко шуршащей волной. И я опустился перед ним на колени: он принял меня.

Я стоял замороженный созерцанием величественной сущности и с трудом воспринимал слова Виталия:

— Култук самый первый населённый

пункт на Байкале. Исторически сложилось так, что в окрестностях немало «шаманского». Вон, посмотри, Шаманский мыс, один из самых живописных на Байкале. Все фотографируют Байкал именно здесь, и открытки есть с этим видом. Ай-ха-Шулун – Страшный Камень – так называли в прошлом буряты этот мыс.

Существует такая легенда, — придав голо-су таинственности, продолжал Виталий, — в пещере мыса был похоронен шаман, давно это было. Но потом стали там совершать религиозные обряды, и многим жертвоприношения помогали в делах, избавляли от хвори. А сейчас там привязывают к дереву разные тряпочки да безделушки и загадывают желания...

А я всё стоял, и рассматривал раскинувшееся передо мной чудо. Больше всего я был поражён прозрачностью воды. На глазах менялся её цвет, а когда небосклон окрасился мягкими розовато-жёлтыми перистыми облаками, то с ряби воды, будто начали взлетать чудесной красоты невиданные птицы. Лишь быстро накатившиеся сумерки увели меня от Байкала домой к Виталию.

Очищение

Сборы были недолгими, и на выдавшем виды Зиле-157, рассекая бурные перекаты мы с

трудом поползли к заснеженным горам вверх по реке Быстрая, иногда взбираясь на скалистый берег, цепляясь мостами за валуны. И когда поросшие тонкоствольным кедром и лиственницами сопки отступили перед нависшими вершинами гор со скалистыми гольцами, мы въехали на базу охотхозяйства. Это был добротный комплекс из деревянных срубов: несколько жилых домиков с кирпичными печами на четыре нароста в каждом, просторная баня, склад для продуктов с ледником, летний спальный корпус для студентов, присылаемых на сбор брусники, черники, кедрового ореха, сушилка, конюшня на четыре лошади и ещё какие-то навесы. Все постройки гармонично сочетались с рекой и живописными берегами. При строительстве сохраняли каждое деревцо, не махали топорами направо и налево, и нигде не было следов стройки, будто все строения с неба опустились в светлохвойную лиственничную тайгу с пышным подлеском из берёзы. Выше по склонам она редела. Деревья, теснимые каменными осыпями курумников, разбегались по ярко-красному ковру брусники и туго сплетённым зарослям рододендрона...

Мы заняли один из домиков, где я сразу принялся наводить уют: наполнил керосином лампу, застелил нары, растопил печь и приготовил ужин.

И всё время меня, привыкшего к аскетическим условиям, не покидало чувство "барства" от этого комфорта. Виталий занялся скопившимися за время его отсутствия делами по хозяйству базы.

Вечерело, и я наслаждался раскидистым кедром на фоне неба, расцвеченного красками заката. И вдруг, приглушая шум реки, в вечернем воздухе разлился чистый, хватающий за сердце, женский голос. Это была песня Матвея Блантера "Я сижу на берегу". Я был восхищён умением наполнить песню глубиной чувства, и я пошёл на голос.

Она домывала последние ступеньки крыльца.

— А я вам баньку приготовила, вот и венчик, попаритесь с дороги, — произнесла незнакомка.

— Зинаида, — представилась молодая девушка и спокойными глазами, ясными, как утреннее небо, приветливо посмотрела на меня. Мне нередко случалось встречать женщин-таёжниц на пасаках и заимках, и всюду были неряшливые мужицкие брюки, обрезанные сапоги да вязаные шапочки на кудлатых засаленных головах. Здесь же в чудесном облике я увидел уважение к самой себе и желание нравиться. Чистые волосы заплетены в две косички, белизной и

свежестью дышала полотняная безрукавная кофточка, под которой угадывались непорочность, крепость и свобода молодого тела...

— А мы здесь вместе с мужем работаем, — предугадывая мои вопросы, начала она разговор — Я в прошлом году с группой из института на ягоды сюда приехала да так и осталась. Влюбилась по уши, муж старше меня на много, но, как судьба к нему не милосердна, не сможет он без меня.

Сколько затаённой грусти прозвучало в последних словах.

— Он у меня очень, очень умный, — продолжала Зинаида свой рассказ. — Он окончил Иркутский финансово-экономический, и его оставили на кафедре политэкономии. А в пятьдесят восьмом уехал в Монголию открывать филиал. Так и работал бы в науке, но что-то с деканом кафедры марксизма-ленинизма не поладили, и завертела его нелёгкая... А вы знаете какой он добрый. Когда он говорит или смеётся, его глаза так и смотрят в душу, точно ласкают.

— Зиночка, — послышался голос, и к нам подошёл мужчина, опрятно одетый, чёрная бородка с проседью выдавала возраст за сорок-сорок пять. Вежливо поздоровавшись и извинившись, что вторгся в нашу беседу, мужчина с

приятной улыбкой, протягивая руку, представился:

— Александр, — потом он обратился к Зине. — Я там контрольную твою проверил, можешь с этой машиной отправить.

Зина попрощалась со мной, пожелав лёгкого пара и доброй ночи, и растворилась в сумерках.

— Мечтательница по призванию с пылкой и широкой фантазией. Такая она милая и заботливая, только ею я и живу, — продолжил Александр разговор со мной. — Я ведь был женат в молодости, зазноба была красоты необычайной. У таких без "брюликов" чувства тускнеют. Поиздержался я с ней, работал на двух службах, и, разумеется, вниманием её обделял. В общем, расстались мы, и ушёл я от мира в глушь, в тайгу. Зачем болеть, если никто не жалеет. И здесь меня нашла большая любовь, уж её-то я сохраню.

В жизни иногда случайность становится судьбой. Я порадовался за эту семью, благодарно улыбнулся лёгкой откровенности этой четы. Прикосновение к ней, будто принесло моей душе очищение.

В глубинке лишь открытые ладони, на души занавески не сошьёшь... — родились у меня поэтические строки.

Разминка на тропе

Следующий день начался в хлопотах Виталия по базе, а я, снарядив патроны 32-го калибра к выбранной из арсенала "Белке" и приготовив пару пачек малокалиберных патронов, увидел прислонённую к углу домика удочку-телескопичку с инерционной катушкой и удлинителем. Я на такую снасть не рыбачил, но видел подобные в Саянах и Хакасии. Главное в этой снасти подобрать по форме и по цвету "настрой" - поводок с мушками, чтобы они копировали тех насекомых, которыми в этот период кормятся ленки и хариусы. К рыбалке я дома не готовился и, найдя здесь на подоконнике крючки, изготовил быстренько мушек, надёргав ниток из одежды. Но, то ли запах мушек не прельстил харьузов, то ли рыба скатилась в зимовальные ямы – рыбацкое счастье безнадёжно зависло уснувшим поплавком.

К обеду Виталий освободился от нескончаемых забот, и мы под радостное повизгивание Ласки, беленькой лайки, стали собираться на охоту или, скорее, в разведку: посмотреть поблизости следы.

— Как всегда, в первую очередь нужно добыть мясо для пропитания. Мы не делаем из

еды культа, но раз дичь существует, то должен же кто-нибудь её есть, — заметил Виталий, перефразируя Ильфа и Петрова.

Погода развернула перед нами белоснежный лист своей тетради, на котором в хронологическом порядке были расписаны все события прошедших суток. Только не обученный таёжной грамоте увидит пред собой снежную пустыню...

Мы не отвлекались на белок и оттаскивали Ласку, когда она, облаивая их, пыталась устыдить нас в лени и привлечь к исполнению своих обязанностей. За весь день нам не встретился стоящий след изюбря — предмета нашей охоты. Но зато, сколько медвежьих набродов! Переночевав в избушке за перевалом скалистых гор, на следующий день возвращались на базу низовьем, между подножьями сопок. Здесь было гораздо меньше снега, легче было идти. Но свежие собольи следы не давали покоя, и я начал выражать недовольство, ведь я ехал на соболиную охоту.

— Не дело, когда яйца начинают учить курицу. На голодный желудок нельзя говорить такие глупые вещи. Это отрицательно влияет на мозг, — Виталий вновь сыпанул крылатым изречением Остапа Бендера и уже от себя добавил, — но, если очень хочется, не бей копытом, а пробежись по свеженькому следу, пока я чай варганю.

И мы с Лаской выплеснули своё возбуждение на манящий след соболя. Однако через полкилометра мы попали в непроходимое сплетение рододендрона и, выбравшись из него, отыскиали след, лишь сделав контрольный круг. "Ах, что же он делает, паразит" — промелькнуло в голове.

Соболь пошёл вверх по крутой сопке. Я с трудом пробирался по следу, "мотор" в груди работал на пределе. Ласка не отставала, но с укором смотрела на меня, как на дилетанта, и будто говорила: — "Жизнь коротка, потерпи немного". А что я могу поделывать — в нашей тайге нет таких непроходимых круч. Тут и Виталий позвал выстрелом из карабина — чай готов.

По дороге до базы, я впервые увидел кабаргу. Очевидно, спугнутая собакой с лёжки, она мчалась звериной тропкой вдоль ручейка с такой скоростью, что моей реакции не хватило, чтобы вскинуть ружьё. Кабарга — это небольшой олень, величиной с зайца...

За всю дорогу мы не встретили рябчиков.

— Соболь извёл все выводки, — ворчал Виталий, — какие уж тут "ананасы и рябчиков жуй".

Добыв за весь день несколько белок на ужин, мы решили завтра идти на медведя.

Незванный гость

Однако нашим планам в этот день не суждено было воплотиться: приехал какой-то важный чиновник из Иркутска с рекомендательным письмом, чтобы, значит, организовать для него охоту. Если к гостям относиться, как к членам семьи, они не засиживаются, потому что есть неотложные дела, нерешенные проблемы. Вот и тут так получилось.

Как на зло, и печка в элитном домике, где гость остановился, потеряла тягу, и за Виталькой пришёл работник из собачьего питомника, что километров в пятнадцати от базы, со срочным вызовом. Вот и полюбовно договорились с гостем: чтобы ему время не тратить понапрасну, я гружу его вещи на лошадь под вьючным седлом и провожаю его с собаками до избушки за перевалом, где мы ночевали прошлую ночь, ведь там и только там отличные места для ружейной охоты с лайками.

И вот мы в пути. Савраска, потомок "дикой" лошади Пржевальского, мерно покачивая притороченными вьючными мешками, уже более пяти часов неспешно брела по знакомой только ей заснеженной тропе. Важный гость, балагуривший вначале, как-то сник и попросился сесть на

лошадку.

Я ведь помнил правило, прежде чем что-то сказать – подумай, а потом промолчи, но опять получилось иначе.

— Да ты уже давно вырос из пелёнок, а запах остался, — вырвалось у меня.

А когда он истерично перешел на начальственные ноты, обвиняя меня в непочтении, я в своё оправдание сказал:

— Не хотел вас обидеть... Моя совесть настолько чиста и прозрачна, что её практически не видно.

На это чиновник обиделся ещё сильнее и до конца пути не лез ко мне с разговорами. Зато утром он с нескрываемым злорадством наблюдал, как я пытался безрезультатно отыскать сорвавшуюся с поводка лошадку, затравленную ночью собаками, а потом без телогрейки, брошенной на савраску вместо попоны, пешком потопал по её следам в обратный путь, даже не попив чая...

Я и мечтать не мог, чтобы за день дойти до базы, когда холодом скованы все мышцы, а потому, перейдя перевал, разыскал "танк", место расположения которого я запомнил ещё в первую нашу вылазку. Танк – это браконьерская землянка с лазом сверху и выведенной в сторону трубой от буржуйки. Всё это напоминало башню танка.

Лишь к обеду следующего дня я добрался до тепла и уюта.

— Ну и славненько, — сказал Виталий, — а то лошадь пришла, а за тебя пришлось поволноваться. Давай-ка в баньку, прогрейся, с утра протоплена, тебя ждёт. А я вот из питомника медалиста медвежатника привёл, — и он указал мне на лежащего с костью в огромной пасти крупного кобеля восточносибирской лайки.

Как всегда после сильной усталости мне не спалось. В окне прямо перед глазами на тёмно-синем небе отчётливо рисовался недалёкий тёмный раскидистый кедр, а между его ветвей сбоку проглядывал ярко-жёлтый месяц. Сознание сверлила навязчивая мысль, что вот уже больше недели прошло, как в отпуске, а настоящей охоты не было. Едва я закрывал веки и на мгновение забывался, как тут же назойливо вставала скучная картина изнуряющей снежной тропы, и, будто вырываясь от сковывающего всё тело холода, я просыпался...

Медведь

Утром привычно быстро собравшись, мы с Виталием, Лаской и медалистом-медвежатником вышли на поиск медведя. С виду медведь кажется

неуклюжим, в действительности же он по лесу может бежать не хуже лося, с удивительной лёгкостью, почти бесшумно. Впервые я шёл на зверя с такой сумятицей в моём сознании, что не мог сосредоточиться на фразах Виталия, которые он изредка отпускал по поводу моего состояния. Что подействовало на мое настроение: бессонная ночь, усталость от вчерашнего перехода? Неожиданно для себя я нашёл ответ: всё дело в тщательной подготовке. Нам отводилась роль убийц, а поиск зверя и его удержание под выстрел отводилась лайкам. Ничего необычного или романтического в охоте на медведя с лайками нет...

К медвежьим набродам шли тихонько с подветренной стороны, собак вели на поводках, чтобы они не отвлекались на беличий или заячий след. А едва отпустили их с поводков, они со злобным лаем кинулись по брусничнику в мелко-лесье. И тут началось...

Ласка первая налетела на зверя сзади. Вырвав клочок из его "штанов", она сразу же отскочила, как мячик, и уже спереди стала громко облаивать медведя, давая возможность медалисту схватить его за гачи. Зверь злобно зарычал, стараясь схватить собаку, но мой жакан и две девятимиллиметровые пули Виталькиного карабина быстро завершили дело...

Мы дали собакам возможность вволю проявить свою хищническую суть и торжество победы на туше забитого зверя. Я же видел только остывающий взгляд медведя, глаза которого, казалось, смотрели с бесконечным вопросом и молчаливым упрёком. Ни восхищения, ни азартных восклицаний у нас с Виталием не было.

Мы привычно умело, и непривычно молчаливо освеживали тушу, разделав на крупные куски. Виталий отправился за лошадью, а я отошёл от места кровавой расправы, сел на чистый снег, пытаясь избавиться от смятения чувств. Мой мозг не мог выдержать такого количества мыслей. Как случилось, что принципом моих действий стало разрушение? Отчего эта холодная, тяжкая потребность убийства управляла моим сознанием? Ведь зверь нам не докучал, это мы пришли к нему в его владения со смертоносным оружием и прервали его жизнь. Я вытянулся вечерней тенью, а мысли продолжали разлетаться, царапая воздух до закатной крови. А предсмертный взгляд зверя, казалось, проникающий в душу, продолжал вызывать чувство противной щекочущей тошноты в животе, груди, сковывая всё тело холодом.

Не знаю, понял ли меня мой товарищ, но на следующий день он проводил меня домой,

нагрузив лесными дарами. А дома я снял с антресоли все свои три ружья и отвёз в милицию.

— На продажу оформлять? — поинтересовался сотрудник разрешительного отдела.

— Нет, заберите безвозмездно, лишь вычеркните из карточки, — ответил я, словно избавляясь от непомерно тяжкого груза.

— Да что случилось? С таким то опытом и всё бросить? — любопытствовал сотрудник.

Я внимательно посмотрел на него:

— Это — Байкал...

— Байкал? — собеседник взглянул на меня, как на ненормального...

Да, это — Байкал. Это ещё одно проявление легенды о мудрости Байкала. Он увидел во мне человека, когда я пришёл к "святому морю". Он ласкал своими волнами мои открытые ладони, рассыпался искорками радости при нашем знакомстве. Он подарил мне встречу с живущей возле него светлой любовью. Он зарядил меня добротой, чувством восприятия прекрасного. И вот этой красотой, этими положительными эмоциями он обезоруживает охотников, призывая из глубины души чувства ответственности за окружающий мир, раскаяния и покаяния, и таким образом охраняя свои богатства. Я далеко не первый кто познал на себе эту магию Байкала.

Чистильщик

В этот раз мы решили охотиться на Алтае. У Николая там, в станционном посёлке, живут родственники и, он не понаслышке знает не выбитые охотничьими набегами, богатые пушным зверем и дичью места.

— За сезон озолотимся, — убалтывая нас, заверял он.

Мы давно поддерживаем дружеские отношения и частенько втроём охотимся на боровую дичь. Случается, что находим медвежью берлогу или неосторожного лося, тогда возвращаемся с мясом. Мы – это Михалыч, зарекомендовавший себя успешным промысловым охотником, Николай, по профессии - автотранспортник, но по увлечениям - заядлый таежник, и я – шахтёр со стажем, также душой прикипевший к тайге, охоте и рыбалке.

В августе завезли на место Михалыча с инструментом, стройматериалами и железной печкой. К началу охотничьего сезона он срубил зимовьё, и с Николаем они начали промысел. Ну а я ждал момента, чтобы сменить Николая и остаться с Михалычем на время своего отпуска.

И вот с первыми морозами, сковавшими реки, я на "Камазе" с водителем, знавшим маршрут через

Салаир, Кресты, Тягун, пробились к ночи до избушки, скрытой от глаз на берегу Аламбая. Мы сытно поужинали котлетами из лосятины и, уставшие от дороги, свалились в крепчайшем сне. Николай с Михалычем уложили в машину трофеи, пожитки, снаряжение, и с рассветом мы помахали Николаю рукой.

Михалыч был весел, что всё идёт, как задумано, балагурил и рифмовал "полустанок Анатоль" и "охотник Анатолий". В первый день прошли по короткому путику на взгорке за избушкой, и я запоминал, где стоят капканы. Переставил на свой лад капкан на рысь или росомаху, где привадой была прилажена лосиная голова. На второй день Михалыч провёл меня по путику на речке Лариха – кое-как управились до темна. А на утро мой проводник сник и, пожаловавшись, что сердце "задавило", стал спешно укладывать рюкзак, чтобы успеть на станцию "Анатоль" к поезду...

— Давай помогу, рюкзак то неподъёмный, или хоть камус оставь, — говорю ему — Да и путьик двухдневный ты не показал, как мне одному то? — спросил я.

— Ты ж не первый день в тайге, — ответил он — Иди вверх по Аламбаю, ищи капканы

там, где бы ты их ставил. Главное, собери все капканы, и спрячь в условленное место. А я больше не могу.

И, взвалив на себя рюкзак, накинув через плечо ружьё, Михалыч резво побежал на лыжах – со спортивной подготовкой у него отлично.

Я не мог поверить в случившееся, но отпуск только начался... И что с того, что незнакома алтайская тайга, тайга – она и в Америке тайга. Мне ли привыкать рыскать по ней одному – успокаивал я себя.

Через несколько дней я пробежал по трем путикам с пустыми капканами, и стало ясно, что всю пушнину ребята собрали по чернотропу и по первым морозцам, что начавшиеся снегопады ставили крест на капканьем промысле и надежда лишь на ружейную охоту. Но сначала мне нужно было зачистить за ребятами следы их деятельности: разломать кулёмки, снять жёрдочки на рябчиков и, главное, снять капканы. Работы предстояло много, потому как территория охваченная путиками велика, тем более, что проложены они, были вдвоём по чернотропу, а мне придётся ходить в одиночку по рыхлому снегу...

И вот, не прислушаваясь к "тоскующим" суставам, вспоминая к ненастью резину сапог и мокрые шахтовые выработки, я решил

снять хоть часть капканов с того самого двухдневного путика. И кто так ласково назвал эту невероятно трудную и сложную тропу, проложенную специально там, где могут протиснуться незамеченными лишь зверьки. Вспоминая наставления Михалыча, я продвигался вверх по Аламбаю по отчётливо видимым присыпанным снегом старым человеческим следам, разбивая настороженные, но уж обледеневшие кулёмки со съеденной привадой, подвешивая на виду снятые капканы, чтобы на обратном пути к зимовью собрать их.

Но что за наваждение – с какого-то момента я перестал находить капканы, хотя довольно долго шёл по следам. Между тем запуржило, небо потемнело... Мне бы вернуться, но я злился на себя, что не мог отыскать эти "чёртовы капканы", и уходил всё дальше и дальше. Если б я знал, что уйду в сторону по притоку Аламбая. А когда я, наконец, понял свою оплошность и пошёл, как мне казалось, к реке, перейдя приток и срезая угол, то неожиданно сгустились сумерки. Я окончательно сбился с нужного направления. К ночёвке в снегу из-за лёгкой одежды не был готов. Куда идти? А идти нужно.

Вдруг перед собой увидел жёлто-зелёные огоньки. Волки. Я знал, что здесь обитает стая из

восьми волков. Мы видели на нашем путике их следы и вырванные из кулёмок беличьей тушки... Испугался? Да, но я знал, что волки сильно боятся людей и опасаются приближаться к ним. Они не решаются напасть на человека пока он на ногах, а ведь я человек – самая большая опасность для волчьего рода.

Мое самовнушение вмиг перестало действовать, когда сзади, чуть сбоку, я услышал вой, да такой, что сердце от неожиданности чуть не оборвалось. Это был вибрирующий жуткий звук. Низкий вначале, он заканчивался на самой высокой ноте. А когда спереди ночь взорвал ответный вой, в меня вцепился настоящий страх. Неужто Богом мне назначена доля быть полуночной пищей для волков. Страшнее чувства я не испытывал ранее.

Кругом как враг таилась ночь с запахом крови и зловещим шуршаньем вздыбленной шерсти. Я будто видел свирепый оскал волчьих пастей с налипшей кровью, эти безжалостные клыки, представляя, как сорок два зуба каждой твари пропустят меня словно через мясорубку... И я начал стрелять в ночь. Вой стих, но стоять – смерти ждать – надо идти, но куда? Мне бы найти реку...

Во тьме я разглядел смутные очертания возвышенности – должно быть, водораздел.

По едва заметным ориентирам начал продвигаться к вершине под неумолкающее завывание волков. Боясь расстрелять патроны, я палил лишь в сторону этих наглых жёлто-зелёных огоньков, зная, что стреляя наугад дробью, а не картечью, я не причиню волкам никакого вреда.

Поднявшись на горку, я заметил, что пурга успокоилась, но чёрное беззвёздное небо усиливало жуть. И вдруг, мне показалось.... Да нет же, точно, вдалеке на небе я увидел чуть заметное зарево от огней станции и посёлка – там Тягун, там спасение. Продолжая отпугивать выстрелами осмелевшую стаю, которая и не думала выпускать меня из-под своего контроля, а ждала, когда обессиленный свалюсь в какой-нибудь колдобине, я продвигался всё ближе и ближе к спасительному зареву. Забрезжил рассвет, и я почти полз к желанным, все более проясняющимся очертаниям окраинных построек.

Уже окончательно рассвело, когда я перевалился через порог дома родни Николая и тут же, на полу, забылся в беспамятстве до самого следующего утра...

Невезуха

Свой отпуск я никогда не разменивал южным загаром, а отдавал наслаждению от рыбалки. Вот и этот дождливый август мы с Сашей, моим свояком, решили использовать для сплава и ловли хариуса.

Самолётом за три рубля быстро долетели до Мурюка, и на УАЗике начальника исправительной колонии доехали до гостиницы, устроенной с торца барака. С Василием Петровичем мы давние знакомые, и он с радостью откликнулся на мою просьбу помочь транспортом. Посидев с вечера в дружеской компании за "рюмкой" чая, утром благодарные хлебосольному гостеприимству, погрузились в предоставленный Урал - "автозак" и, попутно закупив в пекарне десяток вкуснейших огромных булок хлеба, по таёжному бездорожью, разбухшему от дождей, двинулись на Скалистый. Это – бывший лагерь, где ещё сохранились аэродром, бараки и землянки у речки Мурюк-Суразово, по которой я прежде ходил, не разворачивая болотники...

Вот и последний спуск, затем поворот и ... Я не мог поверить своим глазам. Вся пойма реки затоплена бурлящей водой, несущей вывороченные деревья. Моста нет, а затопленная дорога

проложена по руслу речки с выходом на другой берег метров через двести. Но нам нужно на другой берег, где есть дрова, жильё и впадающий в речку харюзовый ручей, да и шофёру Николаю тоже необходимо туда, на аэродром, передать сигареты и крупу своим коллегам по отбыванию срока, заброшенным сюда на заготовку сена.

— Будем пробовать, у меня ведь дизель, — решительно сказал, как отрубил, Николай, и Урал медленно, на ощупь стал продвигаться, всё больше погружаясь в потоки разбушевавшейся реки.

Когда кабина наполнилась водой по грудь, и Саше уже невозможно было сохранять сухими огромные булки хлеба, я засомневался, но Николай самоуверенно меня остановил:

— Я поближе к кушарам, прорвёмся. — Не успел он договорить, как кабина Урала скрылась под водой. Напором воды выдавило пассажирскую половинку лобового стекла. И в эту дыру я с трудом вытолкал свояка, не сумевшего освободиться от огромной авоськи хлеба. Когда сам выбрался из кабины на небольшой пяточок, торчащей над водой будки автозака, на нём уже были Саша, так и не избавившийся от хлеба, и шофёр. Они молча наблюдали, как течение уносит через открытую водительскую дверцу сидушки,

сигареты и какие-то упаковки. Через верхний люк я вытащил из будки рюкзаки и привязал их к машине. Потом по очереди мы бросились в стремительный поток, надеясь добраться до противоположного берега. Оказалось, что свояк не умел плавать, и мы с Николаем вылавливали его, ухватившись за макушки затопленных талин.

Выбравшись на берег, под непрекращающийся то ли от холода, то ли от испуга стук зубов добежали до аэродрома. После кружки крепкого чая стали осмысливать происшедшее: Николай – сколько добавят к сроку, мы – как выбираться, все вместе – чем питаться. Ещё теплилась надежда, что двумя тракторами "Беларусь" вытащим затопленный Урал, но когда подъехали к берегу, эту наивную мысль смыло всё прибывающей водой...

Вырвав стену из барака, мы собрали крепкий плот с двумя гребями и с помощью трактора дотащили его до реки. Погрузив рюкзаки, попрощавшись, отправились до слияния с Золотым Китатом, откуда до Мурюка рукой подать, а там и только там помощь...

Плот, легко управляемый гребями, стремительно и мощно разглаживая буруны перекаатов, неся, обгоняя вывороченные с корнем деревья. Нащепав дров от плота, я прямо на брёвнах

плота разжѐг костерок и поставил котелок для чая. И тут заметил подмытую ель, низко склонившуюся к воде.

– Николай, отгребись, а то смахнѐт – крикнул я, продолжая колдовать над чаем...

Потом он не мог объяснить, почему гребанул в другую сторону. Плот ударился в дерево и под напором воды мгновенно перевернулся. Я схватился за верхнее бревно, и оказался на днище плота. Рядом в воде барахтался Николай, плыли выпавшие из кармана паспорта. Но нигде не было видно третьего сплавщика - живой, нет ли? Подобрав паспорта, на днище неуправляемого плота мы с Николаем продолжили крутиться в бушующем потоке реки.

Наконец, откуда-то с правого берега услышали крик Александра, и сразу сделалось легко на сердце. В ответ крикнули ему, чтобы шѐл берегом, пока не встретимся. А сами пытались остановить плот, цепляясь за торчащие ветки затопленных талин, но только в кровь срывали руки. Только за поворотом реки в небольшом затишье нам, наконец, удалось остановиться у левого берега. Попытки перевернуть плот не увенчались успехом – слишком тяжѐлый, но зато получилось поднырнуть под него и достать привязанные к нему вещи. Вырубив шесты, мы продолжили

сплав, сдерживая непокорный плот. Вскоре на поляне высокого левого берега увидели большую палатку.

— Бухенвальд — прокомментировал Николай — здесь наши сено косят, здесь люди и кони, и мы сможем на коне перевезти деда с другого берега.

После нескольких неудачных попыток нам удалось справиться с разбушевавшейся рекой и непокорным плотом и причалить плот к берегу. Николай ушёл к палатке, а я развёл костёр и поставил чай. Через некоторое время на противоположном берегу показался бегающий, прыгающий непонятно зачем, свояк. Заметив меня, он что-то показывал, держа в руках, и кричал, но из-за шума воды было не разобрать. И только когда он подошёл ближе, стало понятно: ему удалось насобирать промокших, озябших зайчат, прижавшихся к затопленным деревьям, и теперь он согревал их на груди под рубашкой...

Вскоре пришёл разочарованный Николай: ни людей, ни коней. Но ему посчастливилось найти моток проволоки. Стали думать, как подать ее конец на противоположный берег.

— У меня в рюкзаке есть закидушка. Достаньте и перекиньте мне, а я вытяну за неё проволоку — прокричал Саша.

Но это оказалось сложным делом. Лишь только проволока опускалась в поток, леска закидушки не выдерживала и рвалась. После нескольких попыток удалось-таки проволоку перетащить. Мысль подать плот на другой берег сама по себе разбилась о буруны свирепствующей реки. Тогда решили на проволоке перетянуть свояка. Николай вырубил двухметровое дышло и примотал к нему наш конец проволоки, а Саша, уже освободившийся на твёрдом берегу от зайчат, обвязался проволокой и ступил в реку. Мгновенно подхваченный течением он закувыркался в реке. Нам бы просто держать проволоку, и его прибило бы к берегу, но мы зачем-то начали свояка тянуть, и с каждым рывком он уходил под воду. Сначала что-то кричал, а потом умолк. Когда он заплёлся в прибрежных талинах нашего берега, мы уже были рядом. Понадобились мои навыки по откачиванию утопленников...

— Да вы что, рехнулись — заорал он, когда очухался — В машине тонул, на плоту тонул, но сам спасался, а тут вы меня взяли вдвоём топить!

И Саша стал искать палку, чтоб кого-нибудь огреть. Кое-как его успокоили. Привязав надёжно плот, поставив метки на подъём воды и, собрав вещи, отправились к палатке — близилась

ночь. С трудом набрали дров, чтобы обсушиться и согреться. Что-то сварили по-скорому и стали думать, как и что дальше. Тут на костёр вышла откуда-то взявшаяся лошадь, и мы приняли решение: утром Николай верхом едет в Мурюк за помощью. На рассвете отправили Николая в путь на неоседланной лошади...

И вторую ночь пришлось провести в промокшей холодной палатке. Не спалось. Костёр едва теплился, а вода продолжает прибывать. Дождь не переставал моросить, земля уже настолько им напиталась, что след от сапога тут же заполнялся водой. В глуши тайги, в ожидании неизвестно чего, навязчиво лезет мысль выбираться самим, и что за невезуха накрыла нас тяжёлыми испытаниями на этот раз.

А Николай все не возвращался... Ах, если бы мы знали, что промучившись на лошади километров пять, он в своей непросохшей одежде стёр в кровь задницу и ляжки до такой степени, что ни только ехать, идти не мог. Лишь с рассветом, сквозь сон мы услышали рёв дизеля «Кировца», голоса людей - приехала помощь.

Глухариная охота

Как-то ранней весной зашёл ко мне переночевать давний знакомый Сергей, приехавший из Нижней Суеты выправлять документы. Разговор зашёл про охоту, и Сергей, как бы, между прочим, совсем по-будничному, сказал, что нашёл глухариный ток. — Если есть желание, то с друзьями можешь приехать поохотиться — предложил он.

И это во мне усомниться – есть ли желание. Да хоть камни с неба, двумя руками – "за". С этого момента не было мне покоя ни днём, ни ночью. Заново снарядил патроны, отдав предпочтение крупной дроби – единице и одному нулю, перебрал патронташ, вычистил до блеска "тулку". Среди ночи вскакивал и перетасовывал патроны в патронташе, а если и засыпал, то тут же вздрагивал от глухариной песни. Я будто наяву слышал эти отрывистые, сухие парные звуки: как будто палочки стучат друг о друга или, скорее, с металлическим отливом, словно щёлкает ногтем кто-то по пустой жестяной коробке сначала редко, с интервалом, а затем переходящие в мелкую сливающуюся дробь. А это второе колено – шипение или, скорее, скрежет, продолжающийся секунды четыре... Если сказать, что я извёлся за три дня и

ночи до выходных, то, значит, ничего не сказать...

Наконец в субботу утром мы отправились в путь. Мы – это Иван Васильевич, руководитель предприятия, Валерий Викторович, партийный работник, и я. Иван Васильевич – не охотник, но интересен тем, что у него был "Газ 69". Он никогда, никому не позволял "накрыть поляну" – всё сам. Валерий Викторович – тоже не охотник, но у него было ружьё на зависть – "Зауэр". И он всегда был там, где отдыхал Иван Васильевич...

Тогда ездили в Нижнюю Суету по Мурюкской дороге через Успенку, Левую Вершину, Благовещенку и только на вездеходном автомобиле. В Суету мы добрались к вечеру после долгой и нудной тряски, форсирования огромных грязевых луж. Там к нам присоединился Сергей. Он был не по солнечному весеннему вечеру тепло одетым, из потрёпанного рюкзака торчали подшитые пи-мы и разобранный одностволка...

И снова дорога по нарезанной лесовозами колее, разбитой лежнёвке, вброд по речкам мимо сгнивших мостов. На слиянии Камжалки и Барзаса оставили шофёра с газиком, обеспечив его провиантом. Сами же, собрав рюкзаки, приторочив к ним валенки, в расправленных броднях

потянулись болотиной вверх по Барзасу до впадения Маралки. Уже смеркалось, когда взмокшие от пятикилометрового перехода мы перешли вброд Барзас. Северным склоном по подстывшему весеннему снегу, цепляясь за чепыжник, полезли в крутую гору, путаясь в черёмушнике, обдирая в кровь ладони.

Труднее всех пришлось грузному Ивану Васильевичу. И рюкзак у него был неподъёмным, будто с кирпичами. В полной темноте злые, голодные, проклиная Барзасскую тайгу, мою затею с охотой, забрались в гору и облегчённо повалились кто на снег, кто на прогалине. Переведя дыхание, не сдерживая себя от приступа гнева, накинулись на Сергея, который объявил, что это только начало пути...

Передохнув и успокоившись в непроницаемой до жуткости ночи без единой звезды на небе, услышали спокойный голос Сергея:

— Ну что же вы? Нужно идти.

И я пошёл за ним, прислушиваясь к его шагам, простирая перед собой руки и ощупывая ногами жидкий, как каша, холодный снег, под которым хлюпала вода. Слышал сзади громкое сопение Ивана Васильевича и спиной ощущал постоянно натыкающегося на меня Валерия Викторовича. И от того, что они идут, на душе стало

спокойно, будто прибавились силы.

Но где мы? Куда мы идём? Я давно перестал ориентироваться. Порою ветки каких-то деревьев хлестали меня по лицу, ноги заплетались в зарослях чепыжника, и снова мной овладевали какая-то растерянность, беспомощная озлобленность, всё возрастающее чувство вины, что я подверг своих друзей таким неимоверно тяжким испытаниям.

Но вот я почувствовал ногами твёрдую почву прогалины и заметил, что ночь чуть-чуть отступила. Уже ясно вырисовывался силуэт Сергея, шёпотом призывающего нас вести себя тихо-тихо, чтобы ни один сучок не треснул, не вырвался кашель. О куреве приказано было и не вспоминать. О костре пришлось только мечтать, а к провианту в рюкзаке лень было добираться.

Когда изматывающий путь закончился, распалённые, уставшие, даже не переобуваясь в валенки, мы упали там, где стояли. Освоившись с местом, я стал примериваться к окружающим полянку деревьям, выбирая место для скрадка, и уже представлял, как под глухариную песню короткими скачками буду подбираться к сидящему на дереве краснобровому красавцу. Казалось, что я уже вижу его в прицеле ружья и решаю из левого или правого ствола сделать тот единственный

выстрел, ради которого претерпел столько лишений.

А предутренный морозец между тем добирался до потного тела, вырывая меня из навалившегося сна. Уже между лопаток холод начал вбивать ледяной клин, когда подполз Валерий Викторович и знаками пригласил следовать за ним. Все оказывается, уже собрались за "столом", накрытым на рушнике Иваном Васильевичем. Сначала приняли по стопарику, чтобы согреться, потом – за то, что дошли. Ну а Бог любит троицу: третью – за удачную охоту. Были, нет ли ещё тоскы, не помню, проснулся я от жарких лучей весеннего солнца. Рядом в разных позах спали мои друзья, лишь Сергей у разведенного костра кипятил чай со снега. От него я узнал, что мои друзья всю ночь пели песни, да так звонко, что все птицы молчали, только слушали...

Пищик

Достал уже меня мой молодой приятель Сашка.

— Сделай мне пищик, — канючит, — у меня и косточки заячьи есть. А то сезон охоты на боровую дичь открылся, а я без классного манка остался.

Ну, прямо как у Плещеева: "Дедушка, голубчик, сделай мне свисток"... В пору своей молодости, когда ещё охотился по всей Сибири-матушке, изготавливал я манки на рябчика. Очень они славились, и было пределом гордости похвастаться какому-либо охотнику, что он обладает моим пищиком. А сейчас стар уже, глазами с искусственными хрусталиками себя-то в зеркале не различаю. А тонкую работу надфильком, да иглочкой выполнить очень сложно. И как настраивать манок на верное звучание, если в правом ухе постоянно прибор шумит, волны по черепушке разносит.

Потому и оттягивал я с удовлетворением Сашкиной просьбы до послета. И вот взял я, значит, эти косточки и отправился на мичуринский — не дома же настраивать манок. Не знаю как рябчики, а соседи точно сбегутся, и досталось бы мне от них за нарушение закона о тишине. Это

перфораторами стены в квартирах выламывать можно...

Мой мичуринский участок стоит один-одинёшенький. Вокруг брошенные сады-огороды, разрушенные да сожженные все постройки. А что поделаешь, старики умирают, а молодым копать-ся в земле не пристало...

Но зато, какой простор! Красивейшая панорама тайги в изысканных красках осени открывается с горки. Залитые благодатным сибирским солнцем отливают золотой листвой берёзки, яркими багряными пятнами вырываются из массива черновой тайги черёмушники. А насколько разнообразна цветовая гамма осинки, хоть букет собирай из крупных листьев: от согревающей взгляд охряной желтизны до красно-коричневого воскового блеска.

Я часто ночью на огороде, особенно когда урожай от воришек сторожить приходится. Так вот, утром выйдешь из домика – птицы на все голоса рассыпаются, и радостно на душе становится. Намедни на дорожке встретил копылуху – на камушки вышла, нередко и рябчиков спугиваю, когда иду на огород. Ну, так вот, сел я, значит, под навес у летней кухоньки и начал мастерить маночки. Решил сразу два изготовить: под самца

и, пониже тоном, под самочку. Тут и моя подружка сойка прилетела на роскошный куст сочной красной калины, противно проскрипела то ли приветствие, то ли сплетню лесную и устроилась поудобней, гармонируя своей живописной окраской с гроздьями калины.

Я же неспешно почистил косточки внутри, потом отполировал их, пропилил отверстия, вставил из размятого воска катышки и, поправив тёплой иглой пенёчки восковой набивки начал настраивать манки. На одном сделал насечки, чтобы на ощупь распознать манок на самочку, и стал выводить "си-тии-си", или поглубже - "ти-уу-ти, ти-уу-ти". Проверил и как зазвучит "пись...пись...пись...". В природе голоса рябчиков отличаются. У одних попроще, у других - с такими коленцами, что заслушаешься. Да и от погоды голоса разнятся – в дождь, туман сиплые.

Настраиваю, значит, я свистки, подправляю иголкой, а сойка недовольно посматривает да ворочается на ветке. Ну, думаю, коли, недовольна, то ещё не совершенный звук. Продолжаю подсвистывать, а сам всё поглядываю на реакцию сойки. Вдруг моя экзаменаторша заволновалась, зло проскрипела на дорожку. Я глянул, а там Сашка, пригнувшись, с ружьём наизготовку,

высматривает в кусте калины рябчика.

— Смотри, куда стрелять собрался — со смехом говорю ему.

И мы вместе рассмеялись...

Мелодия

Весеннее тепло наконец-то растопило настывший на окнах лёд в квартирах заселённой в феврале пятиэтажной "хрущёвки", расположенной рядом с промзоной. Простлый раз, когда Она выходила мыть окно, то попала под изучающие взгляды зеков и услышала в свой адрес от одного из них:

— Ох, и шнифты, а маркоташки то, маркоташки...

Не понимая этого жаргона, Она сконфузилась и скрылась в комнате. А там, за окном кто-то веско произнёс в её защиту:

— Ну, ты, баклан, завязывай базар или свали на скороту.

Чтобы не слышать в свой адрес наглые реплики, она поставила пластинку с мелодией по своему настроению – Адажио Альбиони и продолжила мыть окно, не оборачиваясь в сторону обидчиков.

Однако этот голос, голос заступника, она узнала:

— Девушка, милая девушка, извините нас и, пожалуйста, сделайте громче эту прекрасную мелодию.

Говорил мужчина, моложавый, но с седой, выглядывающей из-под фуражки. Рядом с ним стояли несколько молоденьких рабочих, с интересом наблюдая за её реакцией.

Сегодня Она, повернув к распахнутой балконной двери "веговские" колонки, поставила свою любимую пластинку – исключительное по глубине произведение – вторую сонату Бетховена, её вторую часть "LargoAppassionato" и, побудничному привычно, накидав на руку постиранные распашонки и ползунки, вышла на балкон.

Волнующие звуки мелодии струились лёгкими, словно свежее дыхание утра, волнами, ниспадали с нависшего над "запреткой" балкона и, не поцарапавшись о колючую проволоку, разливались по территории промзоны, восходящими потоками заполняли пустоты будущих залов Дворца культуры и возносились до высших точек кирпичной кладки стен.

Они чёрными пятнами роб, будто ноты по нотному стану, рассредоточились по ближайшей стене, сжавшись на корточках. Она смотрела на

эти утомлённые зековские фигуры и ждала, как они оживут человеческим теплом, глаза их засветятся искорками душевного огня. Ведь к ним явился сам всемогущий Бетховен, перешагнув через запретку со сторожевыми вышками.

Можно ли словами описать музыку? Её можно слушать, и только ваше сердце вам подскажет всё то отчаянье и неугасающую до последнего вздоха надежду о которых рассказывали пальцы, из-под которых словно райские птицы вылетали звуки чудесной мелодии. Какая музыка, какое вдохновение! И Ей казалось, что Они, словно сбросивши с себя ненавистную кожу, очистившись от унижений и оскорблений, закружились, понеслись, нет, даже не в небо, а туда, где они ещё не бывали...

И вдруг грубый визгливый крик нарушил идиллию. Какой-то опер и два вооружённых охранника с матерной бранью принялись разгонять осужденных, нарушивших режим. Угрозы сыпались и на молодую женщину за "связь" с преступниками...

Рояль вздрогнул, вздохнул нежным чистым аккордом, последняя нота слетела и затрепетала где-то в глубине комнаты...

Она смотрела на омерзительную сцену, и

ей было стыдно за этих людей, и обидно за себя, когда они без сожаления с усмешками расходились по рабочим местам.

Наивная, Она надеялась, что в их блатное ожесточение ко всему миру пробилось что-то светлое...

Перестаралась

Анатолий выписывался из больницы, и, ожидая выписку из истории болезни и, обещавшую придти жену, прилёг на "своей" кровати в палате нервного отделения. Они прожили с женой восемнадцать лет и до сих пор не могут друг другу в глаза наглядеться. Его Нина – энергичная красавица всегда и везде держалась скромно и просто. Взгляд выразительных глаз на открытом лице располагал к тёплому дружескому общению. Уравновешенность и утончённая деликатность в отношениях с людьми делали её приятным собеседником. Через её детский сад "Сказка", самый лучший в городе, прошли дети руководителей многих предприятий, что делало для неё открытыми все двери.

Да и у Анатолия сложился карьерный рост.

В тридцать лет с заработанным подземным стажем его пригласили на работу в исполнительные органы Советской власти, а восемь лет спустя утверждают на должность руководителя предприятия. И вот здесь то, взвалив на себя "непосильную ношу" в обустройстве офиса (коллектив чисто женский), у него случилось обострение от куда-то возникшего заболевания. Заканчивается апрель, впереди огородная страда, а он... Пока Анатолий отдавался кровати и воспоминаниям, его взволнованная встревоженная жена в ординаторской:

— Нина Степановна, как же быть... он же пролечился... а у него... у него... рука не поднимается ... ложку ко рту поднести не может... весеннее обострение, но этого никогда...

— Успокойтесь, лопаточно-плечевой артроз вылечивается родоновыми ваннами. Нужно курортное лечение, желательно в грузинских санаториях.

И началось. Умная женщина редко совершает глупости. Но если уж совершает – то такие, на которые не способна последняя дура. Придeltать бы к ней динамо - машину, осветила бы весь город. В этот же день с заполненной санаторной картой прошла и обзвонила половину профсоюзных комитетов города, вечером не смолкал

телефон от друзей и знакомых из Кемерова и Анжерки, из Белова и Междуреченска. Утром позвонила её однокурсница из Киселёвска с радостной вестью:

— Есть горящая путёвка в Цхалтубо, санаторий Шахтёр, быть на месте через четыре дня, выезжаю с путёвкой, к вечеру буду у вас, решайте проезд.

В этот же день Зоя, подруга по комсомольской работе, а на этот момент начальник "Транс-агенства", пробила билет на самолёт до Минвод, вылет завтра в семь утра из Кемеровского аэропорта. У глупости тормозов нет, а потому она даёт самые быстрые результаты.

Анатолий лишь тупо повиновался, отмахнулся – рука не поднималась. И зачем этот самолёт до Минвод, когда нужно было до Кутаиси, в крайнем случае, до Тбилиси. Теперь вынужден около двух суток томиться в плацкартном вагоне. В поезде познакомился с ребятами из Воркуты и с Геннадием из нашего города. По счастливой случайности им всем профсоюз навялил "горящие" путёвки бесплатно. Освятили мужскую дружбу Севера и Кузбасса грузинским вином, а мужскую солидарность на предстоящем отдыхе любезно предложенной проводником чачей. Уже смеркалось, когда задыхающийся на горном серпантине

автобус высадил нас у санатория. В административной части пятиэтажного корпуса оставалась лишь ночная дежурная. Пожилая грузинка в чёрном одеянии, подстать её мыслям о вновь прибывших, захлопнула перед нашими носами дверь и потребовала, чтобы мы убирались восвояси. И лишь через маленькое окошечко, не пропускающее наши запахи, изучив паспорта и путёвки, в полном недоумении стала с кем-то говорить по телефону на своём грузинском. Получив какое-то указание, покачивая головой в знак согласия и "вай-вай-вай!", проводила нас в красный уголок, где мы впятером, кто на диване, кто на раскладушке, в полном непонимании остались ночевать.

Утром, сбегав в кустики, не зная где умыться, пожелав советским профсоюзам долгих лет, предстали пред очи главного врача санатория. Мужчина грузинской национальности, крепкого телосложения, с гордой уверенной осанкой повёл с нами разговор

— Это самое большое недоразумение, что вы здесь — начал он свою приветственную речь — и что, позвольте вас спросить, с вами мне делать? Говорят, что умные мысли приходят к нам из космоса, а у нас что, отлаженный конвейер по производству глупостей?

На наши реплики о недостойном приёме он неожиданно резко отреагировал:

— Да у меня пять этажей заселены молодыми, не рожавшими женщинами, которые лечатся от бесплодия и просто отдыхают. Это гинекологический санаторий, и посели вас здесь, после специфических родоновых орошений они двери вынесут в ваших номерах. И здесь, в красном уголке я не могу вас оставить — у вас путёвки на полное и достойное обслуживание. Давайте так договоримся: к вечеру я подготовлю две комнаты в лечебном корпусе с железными дверями и крепкими запорами, освобожу архив и секретное делопроизводство, а день уйдёт на приём у специалистов и назначении процедур.

— И, пользуясь тем, что мы в красном уголке, напишем красочное объявление: "Милые женщины, не забудьте поздравить своих рогоносцев с Первым Мая!" — в унисон главврачу бросил шутку Вова из Воркуты.

Никодим

По идее они не должны были соприкоснуться, но создается впечатление, что кто-то искусственно соединил их в семейный союз. Под какой звездой, какие боги в этом миллионном городе соединили любовью двух молодых людей различных взглядов, интересов и потребностей?

А они плескались в этой любви, полной деликатности и такта, в любви спокойных дружеских отношений, полной нежности, взаимного сочувствия и снисхождения к недостаткам. Это была любовь раскрепощающая, когда каждый может быть самим собой и душой и телом; когда любят человека просто за то, что он есть. Самое ценное в их отношениях – внимание друг к другу даже в мелочах.

Лиля обладала стройной, спортивной фигурой. Романтичная, жизнерадостная и восторженная, всегда с блеском в глазах и улыбкой она поднимала настроение у окружающих. Высокий гладкий лоб, тонкие брови, немного пухлые губы и выразительные, чуть зеленоватые глаза. На щеках постоянно играет лёгкий румянец, прекрасно гармонирующий с роскошными струящимися рыжими волосами. Возможно, из-за её внешнего сходства и имени с первой женой Адама, создан-

ной из огненной стихии, Господь вложил в неё страсть рыжеволосой бестии Лили. Она нравилась мужчинам, и это её забавляло. Лиля окончила Новосибирское театральное училище и успешно влилась в труппу драматического театра "Красный факел".

Никодим – молодой человек крепкого телосложения, чуть сутуловатый от занятий юношеским боксом, где достиг неплохих результатов, но не ради спортивных достижений, а чтобы гасить чужие сладострастные взгляды на его любимую. В противоположность Лиле он имел неброскую внешность, но всегда опрятно выглядел в современном модном прикиде с красивой модельной стрижкой. Это человек с развитым логическим мышлением, имеющий склонность к наукам. Он всегда трезво оценивал ситуацию и не готов был подвергать жизнь опасности без достаточных оснований. Смысл своей жизни он видел в жертвенности ради высоких идеалов. Консервативный во взглядах на жизнь, даже отдаленно не напоминающий романтическую и экзальтированную Лилю, только с ней он обрел душевное равновесие и уверенность в себе. Окончив Новосибирский электротехнический институт, принял предложение остаться преподавателем политэкономики и работал над "кандидатской". Со

своими друзьями – физиками-лириками из Академгородка – он с интересом встречался в Доме учёных, а они, в свою очередь, очень любили посещать с ним спектакли с участием Лили.

Ему не по душе был театральный бомонд, но он с восторгом ловил каждый жест, взгляд, дыхание любимой со сцены. Вот она – Сара Сампсон из драмы Г. Лессинга, из всего зала поймала только его влюбленный взгляд:

— Любовь или соблазн, счастье или несчастье бросили меня в ваши объятия, сердце моё отдано вам, и отдано навек.

А здесь он со сжатыми кулаками в порыве готов броситься на сцену, и спасти свою Эмилию Галотти, которая идёт на смерть от бесчестия:

— В моих жилах течёт кровь, такая молодая и горячая кровь! И мои чувства – живые чувства! Я хочу посмотреть, кто меня удержит, кто меня заставит, кто тот человек, который вправе принуждать другого.

С гордостью и нескрываемым восхищением Никодим смотрел на Лилию в образе Медеи. Горячая, страстная, эмоциональная, движимая чувствами и инстинктами, гордая, резкая, несдержанная и безмерная. Рождённая для другой жизни, она современна и возмущается несвободой, в которой живут жёны.

— Нам счастья не надо,
что ценой такой обиды куплено;

И вызывая женские слёзы зала, она колеблется между двумя противоречивыми чувствами — жалостью и мезтью (в ней борются мать и женщина, страх перед задуманным и яростное стремление к этому двойному детоубийству).

— Ни слабою, ни жалкою, наверно,
В устах людей я не останусь;

И в финале трагедии пророческой оказалась для Лили колесница, на которой ее уносит Гелиос с телами детей, сначала как атрибут солнца и солнечное божество, затем принявшей образ земледельческой повозки с женским плодотворяющим началом. В колесе времени рождение переходит в смерть, а смерть становится началом жизни.

Никодим встречал жену после спектакля непременно со скромным букетиком, и эти цветы, его цветы, были ей гораздо дороже тех, которыми осыпали сцену признательные поклонники её таланта.

Она всегда считала, причем совершенно искренне, что за романтику в паре отвечают оба, даже, скорее, больше женщина. И жила так: от одного придуманного сюрприза до другого, а когда им была выделена от горисполкома квартира, то она с необычайной фантазией, усердием и любо-

вью устраивала своё гнёздышко, в весёлых цветочных решениях украшая место будущего малыша.

Жаркий июль 1967 года Лиля и Никодим в компании энергичных физиков-лириков направили на прогревание студеной воды Телецкого озера. И здесь, в девственной красоте жемчужины Алтая, под сердцем Лили зародилась новая жизнь. Чувство долгожданного счастья переполняло их. Они, как молодые жеребята, взбрыкивая, носились по отмели, светились ярче солнца, поднимая радужные брызги, и звонким радостным смехом заражали добрым настроением друзей. И под гитару Лиля своим чувственным голосом исполняла любимую песню:

Подставляйте ладони,
Я насыплю в них солнца,
Поделюсь тёплым ветром,
Белой пеной морской...

Когда сбываются самые заветные мечты, следует ожидать, что рано или поздно судьба предъявит тебе счёт. Долгожданная и так желанная беременность осложнилась страшным токсокозом, который уложил Лилю в больничную постель. Нескончаемые консультации, назначения и лечение положительных результатов не

давали. Никодим прорывался в кабинеты медицинских светил с вопросом – почему? и ответ, что это из-за нервно-психологических потрясений от сыгранных ролей, его не удовлетворял. Он умолял о помощи своей любимой и старался не оставлять её без своего внимания. А Лиля не могла поесть, чтобы хоть что-то задержалось в её желудке. То ей захочется бульон из домашней курочки – Никодим мчится и через два-три часа у постели Лилички с бульоном, даже запах которого она уже не может переносить. То ей захотелось среди лета солёный арбуз, и Никодим обегал все рынки и частные хозяйства и нашёл для жены заветное лакомство.

Лиля сама вышла к Никодиму, упала к нему на грудь в слезах:

— Врач сказала: "замёрзшая беременность, необходимо делать чистку..." Я проплакала целый день, разве так я мечтала о своей первой беременности, разве такие слова я хотела услышать о своём первом плодике, зарождающемся у меня под сердцем?

Как жестоко, когда в один миг разбиваются мечты и ледяной звон их осколков пронзает сердце. Он поглядел на Лилю, и ему стало страшно: глубочайшее отчаяние рассекало её от макушки до пят. Лицо ее стало холодным и бледным. И он,

целуя её заплаканные глаза, распухшие от рыданий губы, шептал ей:

— Это еще не конец твоей жизни. Ты не одна. У тебя есть я и надежда – это то, во что нужно верить, это источник твоей внутренней силы.

Но вскоре, после чистки, у Лили остался только он, надежду убили приговором, что ей никогда не иметь детей.

Она не сообщила Никодиму о своей выписке из клиники. Её, ослабевшую душой и телом, встретило промозглое утро осеннего будничного дня. Налипшие жёлтые листья на мрачной и сырой мостовой, чёрные ветви неухоженных деревьев вдоль больничной дорожки, цепляли её, удерживая от выхода в город. Театр встретил её пугающе мрачным видом в хмуром затенённом соседним зданием освещении. Театральный сезон уже начался, начался без неё. Роли были распределены. И среди дублёров Лиля не нашла себя в списке. Вычеркнута из жизни. Это произвело на неё гнетущее впечатление, но не вызвало решительного протеста. В этом мире лицедеёв сострадание и сочувствие затаптывается стремлением получения для себя лучших ролей. И если слабый упадёт, то сильный, забравшись на него, становится ближе к вершине. Худрук, пробормотав банальные слова сочувствия, стал

предлагать Лиле поучаствовать в благотворительном выездном спектакле в какой-то общественной организации.

Никодим как раненый зверь ворвался в кабинет худрука, испепеляя взглядом незатейливый интерьер с человеком в кресле и, подхватив на руки растерянную Лилю, вынес её к поджидавшему такси. Казалось, что она впервые с такой любовью и признательностью всеми клеточками проникла в его сильное тело, тело её Никодима, её мужа. На всём пути до дома он говорил с ней, он утешал её скорбь простыми словами, сострадая и плача вместе с ней.

Никодим вынужден был оставлять Лилю одну дома. Учебный год в разгаре, кафедра давала единственное средство существования. Одиночество усиливало её страдания. Время не уносило её горе, вновь вернулись страхи. По ночам ей снились сны, что она беременна, даже физически ощущала тяжёлый большой живот и, очень боялась пошевелиться, причинить боль ребёнку. Она будила Никодима и, опомнившись в реальности, уходила в причитания:

— Ты думаешь, это возможно для таких людей, как мы, когда-нибудь быть счастливыми?

Всё может ослабить время, но не мою печаль. Опустошённость. Одиночество. Я знаю: всё

кончено, меня не побеспокоит ребёнок, не подойдёт ко мне, не возьмёт за руку, не потащит меня со слезами куда-нибудь. Порой мне кажется, что жизнь – это спектакль, в котором для меня не нашлось роли.

— Главное – ты жива. В жизни вообще мало справедливости, но нужно мечтать, надеяться, стремиться, нежно обнимая жену, возражал Никодим.

— Жива. Жива, но всё равно, что мертва. Я спрячу свою душу ещё глубже, и не буду чувствовать никакой боли, никакого страха. Я вообще ничего не буду чувствовать. У меня нет друзей, которые навещают меня. Страшно думать о том, как люди говорят приятные вещи и улыбаются, а потом просто не приходят.

С этого дня вечерами в их квартире стали появляться друзья Никодима из Академгородка. Николай – научный сотрудник Института ядерной физики и его жена Лена – профессиональный психолог кардиохирургического института Е.Н.Мешалкина. Пока мужчины проводили время за шахматами, девушки шептались за чаем на кухне.

Но, оказалось, навещали Лилю и другие. Одиночество – опасная вещь. Если оно не ведёт тебя к Богу, оно ведёт к дьяволу. Случилось это

на том самом благотворительном концерте, где игрались сцены из спектаклей. Лиля из-за кулис услышала красивое исполнение; судя по мелодии, это было религиозное песнопение. И Лиле с её душевной опустошенностью и усталостью захотелось, чтобы поющие помолились и за неё – но о чём, она не знала, разве только о том, чтобы не затопила её с каждым днём нарастающая тоска. И, распознав в Лиле женщину, попавшую в жизненный тупик, молодые и красивые adeptки культовой псевдохристианской секты "Дети Бога" показали ей возможности приблизиться к Богу и свой выход из кризиса. Какими только лживыми уверениями ни пленяют эти силы неискушённого, если нет рядом советчика, который вовремя шепнул бы "берегись!". Их истинная суть вначале притупляет напряжённость, потом расслабляет дух и, наконец, извращает элементарные человеческие понятия. Секта глубоко конспирировалась на арендуемых квартирах и не шла на контакт без рекомендаций. Замечены активные контакты с иностранными гражданами, руководят сектой поляки и американцы. Затянутым в секту навязывается "альтернативный" путь выхода из кризиса, культивирующий свободу сексуальных отношений, в том числе среди детей. Сексуальные отношения регламентируются извне. Например, руководство подбирает партнеров, предписывает групповой секс или, наоборот, полное воздержание.

Никодим вначале радовался, что Лилия

нашла для себя занятие, позволяющее выйти из депрессии, но когда жена разорвала отношения с театром, отнесла все свои украшения в подарок "сёстрам", а их сексуальные отношения стали не столько непонятными, сколько нетерпимыми, беспокойство его перешло в страх за любимую. Изменилась и её речь, раньше простая и ясная, теперь она стала путаной, речевые обороты с религиозным оттенком выглядели чужими.

В наши дни людей не пытаются калёным железом, да и не было необходимости. Лиля с убеждением гнала такую внушённую ей чушь и галиматью, что Никодим приходил в ужас.

— Все проблемы из-за того, что муж и жена занимаются сексом только из-за удовлетворения своих потребностей. Если секс не ради зачатия – он приносит, лишь иллюзию совместности и ложь.

— Значит, просто секс, по-твоему, это плохо?

— Очень плохо. Он уводит человека от истины. Разрушает семьи. В никуда уходит огромное количество энергии.

— Тогда ответь. Зачем удовлетворять тех, кто тебя не любит?

Повисла легкая пауза, короткая, как обрывок паутины на холодном осеннем ветру.

И Лиля, оправдывая своё прелюбодеяние:

— Ничто, ни в какие времена, ни в каких ситуациях не могло остановить желание человека искать интуитивно ощущаемой благодати, великого удовлетворения.

Никодим посоветовался с Николаем и Леной, и создалось единое мнение, что они дошли до роковой точки и Лилю нужно силой вырывать из пагубной зависимости. Лена предложила свою программу действий, в которую тайно от Лили включились друзья Никодима.

Новый год встретили вдвоём. Напряжённую, натянутую, атмосферу в доме Никодим пытался смягчить нежностью и вниманием к Лиле. Она в душе была признательна ему, но чувство предательства мешало ей расслабиться, отмякнуть. Она настороженным зверьком в клетке сидела, забившись в угол.

Зимняя сессия подошла к концу. Никодим "подобрал последние хвосты" студентов по зачётам и экзаменам, наконец-то законченную диссертацию сдал куратору на рецензию и приступил к исполнению главной на текущий момент жизненной задачи.

С вечера Никодим предупредил Лилю о предстоящей лыжной прогулке с ночёвкой на даче и стал собирать огромный рюкзак.

Январским субботним утром встретились с Николаем и Леной на железнодорожном вокзале и, уютно расположившись в купе "красноярского" поезда, под стук колёс накрыли обеденный стол с вином и аппетитными закусками. Расслабившись от вина, Лиля крепко заснула под монотонный стук колёс, подобрав ноги и положив голову на колени Никодима. На первой же остановке тихо, чтобы не разбудить Лилю, Николай и Лена вышли, попрощавшись с Никодимом.

Поезд уже рассекал ранние зимние сумерки, окутавшие Кузбасскую землю, когда Лиля увидела во сне, что чья-то могучая рука протянулась к ней, чтобы вытащить её из беды. Она тут же проснулась и, ещё не понимая, что происходит, с беспокойством спросила:

— А где ребята?

— Не волнуйся, с ними всё в порядке — ответил Никодим.

Что-то в интонации его голоса заставило Лилю мгновенно насторожиться. Она нахмурила красивые брови и спросила:

— Куда мы едем?

Никодим понял, что наступил решительный момент. Он нежно взглянул в её встревоженные глаза своим открытым тёплым взглядом:

— В новую жизнь, любимая. Я везу тебя,

родная, в другой город, я вырву тебя, милая, из страшных сетей, в которые тебя поймали.

— Что?! Я не хочу — срываясь в рыдания, протестовала Лиля.

Но столько решимости и отчаяния звучало в голосе её мужа, что слова его пробили панцирь на её душе.

На следующий день они с опаской и тревогой вышли из автобуса в новые испытания. Этот только что образованный город Кузбасса произвёл на них удручающее впечатление. Серая морозная мгла вжимала в сугробы бараки да десяток кирпичных домов, окутанных смрадом печного дыма. Вдалеке на возвышенности смутно просматривались башенные краны и строящиеся крупнопанельные дома. На улице Черняховского повыше военкомата, занявшего добротный барак с большим крыльцом на пять ступенек, приткнулся барак, в котором их ждала квартира из комнаты и кухни с печью, каким-то волшебством подготовленная к их приезду Николаем. Как кошка, которую первой пускают в новое жильё, когда она, обнюхав порог, неуверенной поступью, с опаской входит в помещение, Лиля, бросив взгляд в полутёмную комнату, несмело переступила порог. В этих стенах, оклеенных безвкусны-

ми обоями, угадывалась скучная, однообразная жизнь. Полы устланы дешёвыми дорожками, а грубая затёртая мебель куплена, очевидно, с рук.

Лиля почувствовала себя неожиданно выброшенной в холодный, лишённый поэзии мир и глаза наполнились слезами разочарования и уныния. Слишком многое из ее жизни ушло безвозвратно, и слишком отчетливо она стала понимать, что её поджидает нужда, бредущая за ней по пятам, как голодная собака. Для Никодима это была добровольная ссылка в рамках психотерапевтической программы Лены по оздоровлению Лили.

На следующий день, оставив Лилю хозяйствовать, Никодим с рекомендациями отправился устраиваться на работу. В неподалёку расположенном управлении шахтостроймеханизации ему сразу же предложили должность механика ремонтной базы. Мехцех разместился в недостроенном корпусе из железобетонных панелей без перекрытия, под открытым небом. В глаза бросилась молоденькая девушка, (совершеннолетняя ли усомнился Никодим), которая в ватнике и огромных валенках, стоя на поддоне от кирпичей, озябшими руками тянулась огромным ключом, чтобы сменить фрезу на станке. И глядя на эту девчушку, Никодим подумал о Лиле, как он жёстко обошёлся с ней, выросшей в уюте и

удовольствиях. Что ждёт её в таёжной глубинке? на земле сотрясаемой взрывами, мощными экскаваторами и бульдозерами, а звёзды не на сцене, а в повсюду рассыпанных огнях электросварки.

На площадке перед воротами тарахтел видавший виды автобус, поджидавший рабочих, чтобы везти на шахту. Никодим, недолго думая, отправился с ними. В отделе главного механика его будто ждали.

— Будешь бригадиром по автоматике, а то у нас развелось много умельцев блокировать датчики по метану, так и до взрыва недалеко. На раздумья времени не даю, оформляйся — залпом выпалил главный механик. Несколько дней в КРО и Никодим — подземный электрослесарь.

Лиля, скрепя сердце, приспособлялась к жизни в неприемлемых условиях. Она чувствовала себя Золушкой, которой фея вместо роскошных даров преподнесла ещё одно ведро золы. Трудно смириться с тем, что твой мир обратился бесплодным пеплом, а надежды и мечты безжалостно растоптаны. В то же время Лиля не чувствовала себя побеждённой, её надежды не были разбиты. Быть может, она вырвется на свободу и найдёт счастье! Эти мысли окрыляли её. В оптимизме было её спасение. Ничто не помогает от разочарования лучше, чем работа. С помощью Никодима она научилась отлично управляться с

печкой, ходить по воду на колонку во дворе и вскоре уже с гордостью ставила на стол пироги из собственного теста. Лиля сочувственно относилась к трудной работе Никодима и уже не скорбела о том, что лишилась развлечений, в которых у неё не было недостатка в Новосибирске. Она начинала прозревать. Недалеко от их барака, в типовом барачном сооружении расположился клуб шахтостроительного управления и рядом занесённая снегом открытая танцплощадка. В этом районе города это было единственное учреждение культуры, однако кроме репетиций вокальной группы самодеятельности, да проведения собраний и конференций там ничего не проводилось. Лиля предложила председателю профкома свои услуги и была принята заведующей клубом, где в штате кроме неё была техничка. Лиля сразу же создала детскую театральную студию, в швейной мастерской по её эскизам были сшиты красивые наряды для вокальной группы.

Вечерами, под мерцание огоньков в печке, Лиля с Никодимом обнявшись, взахлёб рассказывали друг другу о событиях дня. Всё налаживалось, ах, если бы...

Военкомат начал весенний призыв. Призывная комиссия расположилась в клубе, и Лиллю обязали создать все условия для работы комиссии.

Молодой офицер военкомата в звании капитана, ответственный за призыв, обратил свой страстный взор на новую красивую заведующую клубом. Он любил ухаживать за женщинами, любил покорять их своими мужскими чарами. Природные склонности влекли его к этому, как к высшему наслаждению в жизни. Он нагло и открыто добивался её близости, не стесняясь присутствия людей, оказывал Лиле компрометирующие её знаки внимания от которых она не находила способа избавиться. Капитан, подобно хищнику, загонял свою жертву в тупик, из которого невозможно было улизнуть, а затем лапал самым наглым образом. Лилю уже не несли ноги в клуб, где её непременно ожидало унижение. Ею овладела женская беспомощность, когда невозможно громко крикнуть "помогите!", ей казалось, что клеймо секты, запятнавшее её в сексуальной свободе, открыто всем взглядам, и это придавало ей неуверенность. К счастью, призывная комиссия вскоре закончила работу и Лиля, полагая, что домогательства закончились, облегчённо вздохнула. Но её дыхатель был другого мнения и его действия приняли вид длительной осады. Тёплыми вечерами во время дежурства капитан с Никодимом иногда играли в шахматы на крыльце военкомата, нередко они встречались на улице,

приветствуя друг друга. Капитан искал возможность сблизиться с Никодимом и войти "другом семьи" в их дом, и он использовал такой случай. Рядом с выстроенным зданием горкома партии нелепо смотрелся военкомат в бараке, и его определили в трёхэтажное кирпичное здание, где были горком комсомола, типография и редакция городской газеты, потеснив курсы обучения рабочим специальностям. И вот, как бы прощаясь с приятным соседством, капитан с двумя сотрудниками военкомата, с которыми у Лили было "шапочное знакомство", ввалились непрошеными гостями с выпивкой и закуской. Капитан своим вниманием и предупредительностью сновал то на кухню, то в комнату, пытался поймать взгляд Лили, нечаянно прикоснуться к её локотку, но как по волшебству, тут же вырастал Никодим. Считая себя вхожим в дом молодой семьи, капитан делал попытки зайти к Лиле в отсутствие Никодима, но наталкивался на непрístupные стены твёрдости и непоколебимости. Он понял, что пока не избавится хоть на время от Никодима, ему не удастся соблазнить Лилю. И он решил затащить не опытного в таёжных делах Никодима шишковать, а там и до увечья не далеко.

И вот в один из выходных дней капитан зовёт Никодима шишковать, благо год урожайный на кедровый орех.

— Да я никогда не лазил по деревьям — пытался отговориться Никодим.

— А лазить не придётся, мы насобираем столько, что хоть трактор нанимай — соблазнял капитан.

В ту пору ни о каком терроризме в стране Советов не слышали, и в шахте не было контроля как сейчас. За каждой затяжкой по штрекам были натолканы не использованные детонаторы, а при посадке лавы всегда оставалась излишняя взрывчатка в фарфоровых патронах, кто хотел, имел возможность добыть взрывчатку. Запасливым оказался и капитан.

Они зашли за стройплощадку училища и, перейдя ложок, подошли к кедру. Изумрудную крону кедра украшали сотни тяжёлых бронзовеющих шишек.

— Ну, что я тебе говорил? Посмотри, какой красавец — вынимая взрывчатку из рюкзака, капитан похлопал по стволу дерева.

Он на уровне своего роста привязал к стволу кедра два снаряженных патрона взрывчатки, и соединили их в единую цепь.

— Глиной бы замазать — показывая своё знание в военном, деле произнёс капитан, и продолжил — подай батарейку.

Никодим в растерянности протянул новую батарейку со словами:

— Ты что надумал, с ума сошёл? Где ты взял взрывчатку? Это преступно!— выпалил Никодим.

— Хочешь как все? Тогда лезь на макушку, и сбивай шишки, я тебе крепкий крюк из ветки вырублю. Или поджилки трясутся? — подначивал капитан.

— Говорю ж тебе, боюсь я высоты, разобьюсь ещё. Дались тебе эти шишки. Продавать собрался? Это не по-товарищески — призывал капитана к разуму Никодим — Я лучше куплю готовый орех. На каждом углу предлагают по дешёвке. Нет, друг, я ухожу.

— Все вы такие гражданские, ни украсть, ни покараулить — прокричал капитан вслед уходящему Никодиму. Его стратегический план срывался. Расстроенный, он долго искал и не мог разыскать в траве длинный провод, ругая последними словами Никодима, покинувшего его. Раздосадованный, самоуверенно пренебрегая осторожностью, он прижался всем телом к стволу кедра с обратной стороны заряда, и подсоединил батарейку к коротким проводам детонаторов...

Жизнь складывается не из желаний, а из поступков каждого человека. И если ты сеешь зло, то тебе и урожай собирать.

"Скорая" не могла доехать до места, где

ребятишки обнаружили капитана, ползающего в бессознательном состоянии. Из ушей, не переставая, струйками стекала кровь.

Пролежав в госпитале более месяца, капитану оформили инвалидность по боевому ранению. Никому не выгодно было разбираться в случившемся происшествии, дабы не выносить сор из избы. Никодим навещал его в Юргинском госпитале, но капитан его не узнавал. Многие старожилы города помнят тронутого умом, который ходил по учреждениям, просил награду за боевые заслуги и, как медаль, прикалывал очередной подаренный значок. Никодим очень переживал о случившемся, что не смог остеречь капитана. Ах, если бы он знал всё о нём...

Вскоре они покинули этот город. Никодим защитил кандидатскую, Лиля восстановилась в театре, а Новосибирскую квартиру обменяли на Академгородок по месту новой работы Никодима.

Я потерял их след и не знаю, были, нет ли причины у Никодима в дальнейшем защищать свою любовь.

Содержание

Город мечты и дерзаний..... 3

Короткие встречи

Здравствуй, Байкал..... 23

Очищение 25

Разминка на тропе 30

Незванный гость 33

Медведь 35

Чистильщик 39

Невезуха 45

Глухарина охота 52

Пищик 57

Мелодия 60

Перестаралась 63

Никодим 68